

В. А. Рубин

РАБОВЛАДЕНИЕ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

В VII—V вв. до н. э.

(По «Цзо чжуань»)

Определение роли рабов в экономике древнего Китая играет немалую роль в комплексе проблем, от разрешения которых зависит установление научно обоснованной периодизации древнекитайской истории. Задача настоящей статьи, основываясь на «Цзо чжуань», выяснить источники рабства и характер рабовладения в период Чуньцю (721—480 гг. до н. э.). Сравнение полученных данных со сведениями, говорящими о роли рабовладения в предшествующую и последующую эпохи, должно способствовать воссозданию истории рабовладения в древнем Китае.

Освещение проблем рабовладения, разумется, тесно связано с общим подходом к историческому процессу. Неудивительно поэтому, что буржуазные исследователи не придают значения имеющимся в источниках периода Чуньцю указаниям на наличие рабства и на рабский труд. Так, в посвященном древнему Китаю разделе недавно изданной во Франции «Общей истории цивилизаций» А. Эймара и Ж. Обуайе¹ о рабовладении вообще не упоминается. Характерно и отсутствие упоминаний о рабстве в древнем Китае в отражающем достижения современной западной синологии историческом обзоре, предпосланном основным разделам монументального труда Дж. Нидхема «Наука и цивилизация в Китае»².

В отличие от такого подхода ученые, рассматривающие историю древнего Китая с позиций исторического материализма, при всем различии их взглядов, уделяют рабовладению в период Чуньцю значительное внимание. Даже историки, выступающие в защиту теории, согласно которой в Китае в этот период господствовал феодализм, внимательно рассматривают данные, говорящие о наличии рабов и рабском труде в VII—V вв. до н. э. Так, Фань Вэнь-лань пишет, что в это время рабы в Китае делились на три категории: 1) рабы, выполнявшие различные виды работ в домашнем хозяйстве знати, но совершенно не участвовавшие в производственной деятельности; 2) рабы, занимавшиеся ремесленным производством и предоставлявшие продукты своего труда аристократии; 3) рабы,

¹ A. Aymard et J. Auboyer, Histoire générale des civilisations, т. I, L'Orient et la Grèce antique, P., 1953.

² J. Needham, Science and Civilization in China, I, Historical Introduction. The Pre-Imperial Phase, Cambridge, 1954.

занимавшиеся рубкой леса, солеварением, разработкой руд и пахотой в хозяйствах знати³. Количество рабов в то время, на взгляд Фань Вэнь-ланя, было весьма значительно, причем они составляли один из основных видов богатства аристократии. Считая феодализм основным способом производства в Китае той эпохи, Фань Вэнь-лань пишет, что рабство в то время было помехой на пути социального развития.

Несколько меньшее значение придают рабскому труду в период Чуньцю ученые, относящие этот период к раннему рабовладению и считающие, что расцвета рабовладельческая формация в древнем Китае достигла много позже, в эпоху Хань. Исследователи, придерживающиеся такой точки зрения, доказывают, что рабы, принадлежавшие в период Чуньцю властителям и знати, почти не эксплуатировались в качестве основных производителей материальных благ. Большею частью их использовали для выполнения различных обязанностей в домашнем хозяйстве и на подсобных работах⁴.

Взгляды последней группы ученых оспариваются специалистами, считающими, что в период Чуньцю рабовладение достигло столь значительного развития, что все общество делилось в это время на два класса: рабовладельцев и рабов. Придерживающиеся этой точки зрения ученые причисляют к рабам и земледельцев. Так, Го Мо-жо пишет, что до V в. до н. э. земледельцы *шужэнь*, представлявшие собой подавляющее большинство непосредственных производителей, были рабами⁵. Рабами считают непосредственных производителей и специалист по истории древнекитайской идеологии Ян Юн-го⁶, и Хоу Вай-лу, подчеркивающий при этом, что спецификой рабовладения в древнем Китае, как и в некоторых других странах древнего Востока, была государственная собственность на порабощенные коллективы земледельцев, сохранившие в своем внутреннем строе значительные пережитки общинно-родовых отношений⁷.

Одни историки, таким образом, доказывают, что рабы были заняты главным образом в домашнем хозяйстве и отчасти в ремесле, в земледелии же основную роль играл труд крепостных (Фань Вэнь-лань) или свободных общинников (Ван Чжун-ло, Тун Шу-е), другие же отстаивают взгляд, согласно которому большую часть рабов в период Чуньцю составляли земледельцы. Чтобы выяснить, какая из этих точек зрения ближе к истине, необходимо изучить относящиеся к рабовладению тексты первоисточников.

В своем исследовании мы опираемся главным образом на «Цзо чжуань». Что представляет собой этот источник? По названию и по форме это комментарий к приписываемой Конфуцию летописи «Чуньцю». На самом деле, однако, записи, комментирующие «Чуньцю», составляют лишь незначительную его часть. Не менее 90% его объема занято самостоятельной хроникой, год за годом и месяц за месяцем освещающей события, происходившие в крупнейших древнекитайских государствах с 721 по 468 г. до н. э. Описание встреч древнекитайских деятелей и их бесед между собой перемежается здесь с батальными сценами и картинами волнений на улицах древнекитайских городов; рассказ о борьбе за власть между придворными группировками сменяется рассуждениями на исторические

³ Фань Вэнь-лань, Древняя история Китая, М., 1958, стр. 114—115.

⁴ Ван Чжун-ло, Проблема разложения рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений в Китае, «Вопросы периодизации древней истории Китая», Пекин, 1957, стр. 410—415 (на кит. яз.); Тун Шу-е, К вопросу о периодизации древнекитайской истории, «Вэньшичжэ», 1955, № 1 (на кит. яз.).

⁵ Го Мо-жо, Эпоха рабовладельческого строя, М., 1956, стр. 32.

⁶ Ян Юн-го, История древнекитайской идеологии, М., 1957, стр. 88.

⁷ Хоу Вай-лу, История древнекитайского общества, Пекин, 1955, стр. 30 (на кит. яз.).

и моральные темы. Встречаются в источнике и отрывки, говорящие о положении угнетенных классов. Если прибавить к этому, что «Цзо чжуань» не только богат по содержанию, но и значителен по объему (он насчитывает 170 тыс. иероглифов, что в 10 раз превосходит известную книгу бесед Конфуция с учениками — «Луньюй»; опубликованное в Пекине в 1955 г. комментированное издание его занимает три больших тома⁸), то станет ясно значение его для политической и экономической истории древнего Китая, как и для истории древнекитайской культуры.

Исследование «Цзо чжуань» в Китае насчитывает уже около двух тысячелетий: с тех пор, как в 1 г. до н. э. он был включен в число официально признанных и изучаемых в высшем конфуцианском училище произведений, крупнейшие историки Китая занимались его комментированием и писали труды, посвященные вопросам его датировки и авторства⁹. Не пытаясь привести все отзывы об источнике и все его оценки, отметим только, что основатель китайской исторической критики Лю Чжи-цзи (661—721 гг.) считал «Цзо чжуань» произведением, ознаменовавшим появление ценнейшего жанра китайской историографии — изложенной в хронологическом порядке истории¹⁰. Примененный в «Цзо чжуань» метод распределения материала лег в основу хроники «Цзычжи тунцзянь», написанной знаменитым китайским историком Сыма Гуаном (1019—1086 гг.)¹¹. С тех пор эта форма исторического труда стала одним из основных видов китайского историописания. Современные китайские историки высоко ценят «Цзо чжуань» и считают его важнейшим источником по истории древнего Китая¹².

Пошедшая от Сыма Цяня традиция относила составление источника к V в. до н. э. и приписывала его авторство современнику Конфуция Цзо Цю-мину. Но уже в XII в. Чжэн Цяо доказал, что «Цзо чжуань» не мог быть создан ранее IV в. до н. э. Однако то, что источник был написан до уничтожения древнекитайской литературы в 213 г. до н. э., не подвергалось сомнению вплоть до XIX в., когда целая группа китайских ученых выступила с теорией, согласно которой «Цзо чжуань» представляет собой фальшивку, сочиненную в конце I в. до н. э. Лю Сином в угоду захватившему в это время престол Ван Ману. Этот взгляд, главным пропагандистом которого был лидер реформаторского движения конца XIX в. Кан Ю-вэй, нашел в начале XX в. довольно значительный отклик как среди китайских, так и среди европейских исследователей¹³. Но в ходе возникшей в связи

⁸ 春秋經傳集解 («Чуньцю. Классический текст с комментариями и разъяснениями») Как отмечается во введении, это издание представляет собой фотографическое воспроизведение напечатанного в эпоху Мин (1363—1644 гг.) текста источника с предисловием и комментариями известного ученого и полководца III века н. э. Ду Юя. Особенностью такого рода переиздания древних текстов, в настоящее время в большом количестве выходящих в Китае, является сквозная пагинация, прибавленная к обычной в старых китайских книгах раздельной пагинации и значительно облегчающая пользование ими. В дальнейшем ссылки в тексте будут даваться на это издание.

⁹ Лучшая сводка взглядов, высказывавшихся китайскими учеными о «Цзо чжуань», дана в книге Ч ж а н С и н ь - ч э н, Исследование вопроса о фальсификации книг, Шанхай, 1957, т. I, стр. 414—473 (на кит. яз.). См. также J. Legge, The Chinese Classics, т. V, Hongkong, 1872, Prolegomena, стр. 23—36.

¹⁰ V o n g i k K o h, Zur Werttheorie in der chinesischen Historiographie auf Grund des Shih-T'ung des Liu Chih-chi, «Oriens Extremus», 1957, № 1, стр. 31—32.

¹¹ Ч э н ь Ц я н ь - ц з ю ь, Цзычжи тунцзянь, «Лиши яньцю», 1957, № 7, стр. 40 (на кит. яз.).

¹² Ч ж а н Ш у н ь - х у э й, Важнейшие письменные источники по истории Китая, Ухань, 1956, стр. 40 (на кит. яз.); Ч ж у Д у н - ж у н ь, Избранные отрывки из «Цзо чжуань» с комментариями, Шанхай, 1956, стр. 1 (на кит. яз.).

¹³ См. П и С и - ж у й, Общий очерк науки о классических канонах, Шанхай, 1954, разд. 4, стр. 29—79 (на кит. яз.); Г о М о - ж о, Бронзовый век, Пекин, 1954, стр. 226—228 (на кит. яз.); O. F r a n k e, Studien zur Geschichte des konfuzianischen Dogmas und der chinesischen Staatsreligion, Hamburg, 1920, стр. 62—85.

с этим дискуссии эта точка зрения была опровергнута, и трудами ряда ученых (в особенности Б. Карлгрена) было доказано, что «Цзо чжуань» является аутентичным источником, написанным на основании древних анналов в IV в. до н. э.¹⁴ Установление времени составления этой ценнейшей хроники является одним из крупных достижений синологической науки последних десятилетий. Разрешение проблемы датировки дает возможность привлечь «Цзо чжуань» для исследования обширного круга вопросов древней истории Китая.

Изучение роли рабского труда в период Чуньцю, несомненно, должно начаться с выявления терминов рабства. «Цзо чжуань» дает возможность, взяв тексты, перечисляющие социальные прослойки, на которые делилось общество с точки зрения людей той эпохи, выяснить, какие из фигурирующих в них терминов обозначали рабов. Приводим эти тексты в хронологическом порядке.

1. Датированная 563 г. до н. э. (9 г. Сян-гуна¹⁵) речь сановника царства Чу Цзы Нана. Характеризуя существующие в царстве Цзинь традиции, Цзы Нан говорит: «Их *цин*'ы¹⁶ 卿 дают возможность выдвинуться способным, их *дафу* 大夫¹⁷ не пренебрегают своими обязанностями, их *ши* 士¹⁸ ревностно следуют наставлениям. Сила их простых людей (*шужэнь* 庶人) прилагается к обработке земли и к сбору урожая, торговцы (*шан* 商), ремесленники (*гун* 工) и слуги (*цаоли* 皂隸) не помышляют о том, чтобы менять свои занятия¹⁹.

2. Слова начальника цзиньских музыкантов Куана, датированные 558 г. до н. э. (14 г. Сян-гуна). Куан говорит, что властитель не может выполнять свои обязанности в одиночку: у него должны быть люди, помогающие ему и исправляющие его ошибки, так же как дружественная критика должна сопровождать действия любого человека: «Для этой-то цели у сына неба (*тяньцзы* 天子) имеются *гун*ы 公²⁰, у властителей (*чжухоу* 諸侯) — *цин*'ы. *Цины* (для этого) устанавливают глав боковых линий (своего рода); главы младших линий есть и у *дафу*. У *ши* есть друзья, у про-

¹⁴ См. В. Карлгрен, On the Authenticity and Nature of the Tso chuan, «Göteborgs högskolas årsskrift», XXXII, Göteborg, 1926, № 3; Н. Масперо, La composition et la date du Tso tchuan, «Mélanges chinois et bouddiques», т. I, Bruxelles, 1932; современное состояние вопроса охарактеризовано в статье: В. Рубин, О датировке и аутентичности «Цзо чжуань», «Проблемы востоковедения», 1959, № 1, стр. 78—85.

¹⁵ Текст «Цзо чжуань», издающийся вместе с «Чуньцю», делится по годам правления гунов (властителей) государства Лу. Чтобы отрывки легче было найти, мы указываем даты, под которыми они помещены в источнике. В китайской литературе эти даты, как правило, не переводятся на европейское летосчисление. Не сделано этого, к сожалению, и в изданиях трудов по истории и философии древнего Китая в русском переводе (см., например, Г о М о - ж о, Эпоха рабовладельческого строя; Я н Ю н - г о, История древнекитайской идеологии).

¹⁶ *Цин* — термин, обозначающий высших представителей знати, возглавлявших государственный аппарат в древнекитайских государствах. Обычный перевод этого термина «министр» неточно передает его смысл; некоторые тексты «Цзо чжуань» показывают, что подчас *цин*'ы облекались исключительно военными полномочиями и являлись скорее генералами, чем министрами (см., например, т. II, стр. 800). Мы предпочитаем поэтому давать транскрипцию этого термина, как и других, передать смысл которых адекватным русским словом не представляется возможным.

¹⁷ *Дафу* — средний слой знати, представители которого занимали большинство руководящих постов при дворах властителей и в местной администрации древнекитайских государств.

¹⁸ *Ши* — рядовые представители знати, занимавшие в государственном аппарате низшие должности.

¹⁹ Т. II, стр. 1006: 其卿讓於善, 其大夫不失守, 其士競於教, 其庶人力於農穡, 商, 工, 皂隸不知遷業.

²⁰ *Гун* — высшее звание древнекитайских властителей, считавшихся подчиненными чжухоуского вана — «сына неба». В период Чуньцю они фактически стали независимыми.

стых людей (*шужэнь*), ремесленников (*гун*), торговцев (*шан*), слуг (*цзаоли*), пастухов (*му* 牧) и конюхов (*юй* 圉) — родственники и близкие»²¹.

3. Датированная 534 г. до н. э. (7 г. Чжао-гуна) речь чуского сановника У Юя, провинившегося в том, что он схватил своего беглого раба-привратника, укрывавшегося во дворце чуского вана. У Юй говорит в свое оправдание, что, подобно тому, как дни делятся по десяткам (имеются в виду названия дней по десяти циклическим знакам), у людей есть десять сословий, каждое из которых обязано послушанием вышестоящему: «Ван делает своим слугой *гуна*, *гун* — *дафу*. *Дафу* заставляет служить себе *ши*, *ши* подчиняются слуги (*цзао* 阜), слугам — носильщики (*юй* 輿), носильщикам — их подручные (*ли* 隸). Эти подручные стоят выше мелких служек (*ляо* 僚), которым в свою очередь подчиняются *холопы* (*лу* 僕), командующие низшей челядью (*тай* 臺)»²².

4. Относящаяся к 492 г. до н. э. (2 г. Ай-гуна) речь крупного цзиньского сановника и военачальника Чжао Яна. Обращаясь к войску перед битвой, Чжао Ян дает следующее обещание: «Победившие врага высшие *дафу* (*шан дафу* 上大夫) получают округ, низшие *дафу* (*ся дафу* 下大夫) — район, *ши* — сто тысяч полей, простые люди (*шужэнь*), ремесленники (*гун*) и торговцы (*шан*) будут возвышены, слуги (*жэньчэнь* 人臣) и рабы-конюхи (*лиюй* 隸圉) — освобождены»²³.

Если первые три текста не дают возможности установить, какие из социальных терминов, в них встречающиеся, относятся к рабам, — в них идет непрерывный ряд от высших к низшим, и нет указаний на качественную разницу между ними в отношении их свободы, — то текст № 4 дает ценные сведения, проливающие свет на интересующий нас вопрос. В этом последнем тексте выступают три различных социальных слоя, и обещания, с которыми обращается к их представителям Чжао Ян, глубоко отличаются по своему характеру. К *дафу* и к *ши* Чжао Ян обращается как к представителям господствующего слоя, которых может привлечь управление определенной территорией, связанное с получением соответствующего дохода. Земледельцам, ремесленникам и торговцам он сулит «возвышение», т. е. перспективу вступления в ряды правящего слоя. Обещание о с о б о ж д е н и я, с которым он обращается к слугам и рабам-конюхам, недвусмысленно указывает на их рабское положение. Это дает основание предполагать, что три слоя, упомянутые в тексте № 4, представляют собой классы тогдашнего общества — знать, свободных и рабов. Сопоставле-

²¹ Т. II, стр. 1082: 故天子有公, 諸侯有卿, 卿置側室, 大夫有貳宗, 士有朋友, 庶人, 工, 商, 阜隸, 牧, 圉皆有親暱.

²² Т. III, стр. 1522: 王臣公, 公臣大夫, 大夫臣士, 士臣阜, 阜臣輿, 輿臣隸, 隸臣僚, 僚臣僕, 僕臣臺.

²³ Т. III, стр. 2037—2038: 上大夫受縣, 下大夫受郡, 士田十萬, 庶人, 工, 商, 遂, 人臣, 隸, 圉免. В русском переводе книги Г о м о - ж о, Эпоха рабовладельческого строя, этот текст переведен следующим образом: «Если в бою одолсет врага... *шужэнь*, ремесленник или торговец, то (получает) свободу, если *жэньчэнь* или *лиюй*, то — освобождение» (стр. 37). Этот перевод неправилен, так как иероглиф *суй* 遂 не значит «свобода». В Русско-китайском словаре под редакцией И. М. Ошанина даны следующие его значения: 1) удовлетворит желание, исполниться по желанию, сбыться; 2) завершиться успехом, успе; 3) достигать, идти вперед, продвигаться; 4) следовать, в порядке, по порядку (стр. 650). Карлгрен отмечает, что эти же значения он имеет и в ряде произведений древнекитайской литературы. Так, в «Шидзин» он означает «достигнуть, продолжить», в «Ицзин» — «продвинуться» (В. K a r l g r e n, Grammata Serica Recensa, «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», № 29, Stockholm, 1957, стр. 142). Ду Юй поясняет, что здесь этот иероглиф имеет смысл «получить должность»; эта интерпретация принимается и во французском, и в английском переводе источника (см. L e g g e, ук. соч., стр. 799; S. C o u r t e u r, La chronique de la principauté de Lou, III, P., 1951, стр. 607). Мы предпочитаем передать его значение, не уточняя характера возвышения, так как это ближе к тексту «Цао чжуань».

ние терминов, обозначающих здесь прослойки этих классов, с терминами, встречающимися в остальных трех текстах, дает следующую картину:

Текст № 1	Текст № 2	Текст № 3	Текст № 4
цин 卿 дафу 大夫 ши 士	тяньцзы 天子 гун, чжухоу 公, 諸侯 цин 卿 дафу 大夫 ши 士	ван 王 гун 公 дафу 大夫 ши 士	{ВЫСШ. дафу 上大夫 {НИЗШ. дафу 下大夫 ши 士
шужэнь 庶人 шан 商 гун 工	шужэнь 庶人 гун 工 шан 商		шужэнь 庶人 гун 工 шан 商
цаоли 阜隸	цаоли 阜隸 му 牧 юй 圉	цао 阜, юй 興 ли 隸, ляо 僚 пу 僕, тай 臺	жэньчэнь 人臣 лиюй 隸圉

Таблица показывает, что термины текста № 4 не случайны. Им соответствуют (с некоторыми модификациями) термины остальных трех текстов. Лишь в одном из них (№ 3) отсутствует класс свободных, и это легко объяснить: речь У Юя специально посвящена вопросу о рабстве, и он подчеркивает именно подчинение одного слоя другому. Отсутствие в этой лестнице нисходящего подчинения свободных земледельцев, ремесленников и торговцев лишь подтверждает, что они не были рабами. К этому выводу подводит и расстановка терминов в других текстах; земледельцы, ремесленники и торговцы стоят в них между рабами и знатью, нигде с рабами не смешиваясь.

Такое распределение терминов позволяет высказать самые серьезные сомнения в правильности взглядов ученых, доказывающих, что древнекитайское общество той эпохи делилось на два класса — рабов и рабовладельцев, причем все труженики входили в число рабов. Приведенные тексты свидетельствуют в пользу наличия в период Чуньцю третьего класса, к которому принадлежало большинство тружеников — класса свободных земледельцев, ремесленников и торговцев. Термины, присутствующие в этих текстах, с другой стороны, показывают, что рабы составляли неотъемлемую часть древнекитайского общества. Игнорируя их, западные синологи не в состоянии дать правильную картину его социальной структуры.

Таблица дает возможность установить термины, указывающие на рабское состояние. Это *ли* 隸, *цао*, 阜, *цаоли* 阜隸, *жэньчэнь* 人臣, *пу* 僕, *юй* 興, *юй* 圉, *лиюй* 隸圉, *ляо*, 僚, *тай* 臺. Попытаемся выяснить конкретное значение каждого из них.

Не вызывает сомнения, что термин *ли*, присутствующий в каждом из наших текстов, относится к рабам. Одна из записей «Цзо чжуань» показывает, что в эпоху Чуньцю рабство было юридическим статусом, регистрировавшимся в соответствующих документах. Относящийся к 549 г. до н. э. текст рассказывает о том, что за услугу, которую раб-*ли* мог оказать в трудный момент царству Цзинь, он потребовал сожжения «красного документа» (*даньшу* 丹書), в котором было записано его имя (т. II, стр. 1172—1173).

Интересные данные для интерпретации этого термина дает «Чжоу-ли» — источник, содержащий подробное описание государственного строя и обязанностей чиновников в эпоху Чжоу. Традиция относит составление этой книги к XI в. до н. э. и приписывает ее авторство виднейшему государственному деятелю начала чжоуской эпохи Чжоу-гуну. Не подлежит сомнению, однако, что она была составлена значительно позже. Достаточно сказать, что, если верить «Чжоу-ли», в чжоуской столице должно было быть 20 тыс. чиновников, и, следовательно, общее население ее было не ниже 100 тыс. человек, что совершенно невероятно при примитивности, низком уровне развития производительных сил и отсутствии путей сообщения в Китае конца второго тысячелетия до н. э.

Тот факт, что эта книга была канонизована при ненавистном конфуцианцам «узурпаторе» Ван Мане, вызвал отрицательное отношение к ней со стороны ряда китайских историков. В XII в. исследователь классической литературы Хун Май впервые высказал взгляд, что «Чжоу-ли» сочинена Лю Синем и выдана им за древний текст в угоду его покровителю Ван Ману. Эта точка зрения была воспринята гиперкритически настроенными учеными — последователями Кан Ю-вэя, подвергшими «Чжоу-ли» еще более жестоким атакам, чем «Цзо чжуань». Но еще задолго до выступления этих ученых Мао Ци-лином (XVII в.), Ван Чжуном (XVIII в.) и Сунь И-жаном (XIX в.) было доказано, что основная часть «Чжоу-ли» была написана до середины III в. до н. э.²⁴ Сличив «Чжоу-ли» с рядом других древних текстов, Карлгрен подтвердил правильность такого взгляда²⁵. Оценивая эту книгу, подробно описывающую устройство чжоуского государства, в период Чжаньго уже фактически не существовавшего, ученые приходят к выводу, что она является своего рода утопией, составленной не известным нам конфуцианцем на основе данных административной практики и законодательства своей эпохи²⁶.

Привлекая сведения из «Чжоу-ли», мы, конечно, не должны забывать о том, что они относятся к последующему периоду китайской истории. Но хотя раскрывающееся здесь государственное рабовладение развито выше, чем рабовладение VII—V веков до н. э., учитывая, что данные «Цзо чжуань», как будет показано в дальнейшем, также говорят о наличии сотен и тысяч рабов, есть серьезные основания предполагать, что традиции использования их для выполнения определенных видов работ сложились уже в период Чуньцю. Не пытаясь на основе данных «Чжоу-ли» определить степень рабовладения в интересующий нас период, мы воспользуемся ими для того, чтобы получить представление о формах эксплуатации рабов.

В разделе «Чжоу-ли», посвященном приказу суда и расправы (*сыкоу сингуань* 司寇刑官), упомянут ряд категорий рабов *ли*. В названии трех из них входят иероглифы, обозначающие некитайские племена: 1) *маньли* 蠻隸 — «ли из племени *мань*»²⁷ (племена *мань* обитали в бассейне Янцзы-цзяна); 2) *миньли* 閩隸 «ли из племен *минь*»²⁸ (племена *минь* обитали в прибрежных районах, расположенных на месте нынешней провинции Фуцзянь); 3) *или* 夷隸 «ли из племен *и*»²⁹ (племена *и* жили в прибреж-

²⁴ См. Чжан Шунь-хуэй, ук. соч., стр. 44; Чжан Синь-чэн, ук. соч., т. I, стр. 360—363.

²⁵ В. Карлгрен, The Early History of the Chou-li and Tso chuan Texts, «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», № 3, Stockholm, 1931.

²⁶ Такой взгляд высказан видным китайским историком и политическим деятелем начала XX в. Лян Ци-чао (см. Чжан Шунь-хуэй, ук. соч., стр. 45) и Карлгреном. Сходного мнения придерживается и Фань Вэнь-лань, ук. соч., стр. 183.

²⁷ «Чжоу-ли с комментариями Чжэн Сюаня», Издание *Сыбу бэйяо*, т. 7, гл. 36, стр. 9а.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

ных районах нынешних провинций Цзянсу и Шаньдун; известный комментатор II века н. э. Чжэн Сюань считает, что в число *или* входили и рабы из племен *ди*, населявших горные районы бассейна Хуанхэ). *Маньли* должны были выполнять принудительные работы³⁰ по уходу за лошадьми и их кормлению, *миньли* были заняты приручением, содержанием в клетках и кормлением птиц, *или* — пастьбой коров и лошадей. Кроме них в «Чжоу-ли» названы еще две категории *ли*: 1) *хэли* 貉隸 — «ли, занимавшиеся барсуками»³¹ — рабы, ухаживавшие за пойманными дикими животными; они набирались, по мнению Чжэн Сюаня, из захваченных членов племен *и*; 2) *цзуйли* 罪隸 «преступные ли»³² — рабы, выполнявшие различные поручения в присутственных местах. Управлять этими пятью видами рабов (*ули* 五隸) и снабжать их орудиями труда должен был особый чиновник, имевший звание «заведующего рабами» (*сылли* 司隸³³). Описание его обязанностей содержит интересные детали: находившиеся в его ведении рабы-преступники должны были выполнять «постыдные работы» и доставлять чиновникам необходимые для их служебной деятельности орудия. Рабам из не китайских народностей поручалась, помимо перечисленных выше работ, охрана дворца вана и резиденций, где он останавливался во время путешествий. О том, что подразумевалось под «постыдными работами», дает представление текст «Чжоу-ли», в котором термин *ли* появляется в сочетании с термином *пу*, также фигурирующим среди приведенных выше терминов рабства. В обязанности *липу*, как сообщается здесь, входила очистка помещений от грязи и нечистот³⁴. В книге «И-ли», посвященной описанию придворных торжеств и церемоний и сохранившей, по мнению многих ученых, материалы, относящиеся к периоду Чуньцю³⁵, упоминается еще об одной обязанности *липу* — расчистке стрельбища для состязаний знати по стрельбе из лука³⁶. О рабском труде говорит и запись «Чжоу-ли» о том, что один из чиновников приказа суда и расправы обязан был следить за тем, как вводят и выводят группы рабов *силли* 奚隸³⁷. Чжэн Сюань высказывает здесь вполне вероятное предположение, что группы рабов выводились на работу.

Как видно, в «Чжоу-ли» термин *ли* выступает как весьма широкий по своему охвату термин рабства. Он обозначает две категории рабов: порабощенных военнопленных и порабощенных за преступления. Эти категории отличаются не только по происхождению, но и по характеру работ, на которых их использовали: порабощенным военнопленным поручался уход за лошадьми и пастьба скота, а подчас и охрана дворцов властителей; порабощенные за преступления занимались обслуживанием дворцов и хозяйства властителей, а упоминание об орудиях, которые они должны были доставлять чиновникам, заставляет предполагать, что часть их занималась ремеслом.

Термин *ли* появляется в «Цзо чжуань» и в сочетании с иероглифом *жэнь* (人) «человек» в форме *лижэнь* (隸人). В двух формах выступает и ряд других терминов рабства (*пу* и *пужэнь*, *му* и *мужэнь*, *юй* и *юй-*

³⁰ Определение обязанностей рабов в «Чжоу-ли» каждый раз включает иероглиф *и* 役, обозначающий принудительный труд, трудовую повинность (см. Karlgren, Grammata Serica Recensa, стр. 226).

³¹ «Чжоу-ли», т. 7, гл. 36, стр. 9b.

³² Там же стр. 8b.

³³ Там же стр. 8a.

³⁴ «Чжоу-ли», т. 6, гл. 31, стр. 10b.

³⁵ Лян Ци-чао считал, что ссылки на сочинение о ритуале, встречающиеся в «Цзо чжуань», указывают на эту книгу (см. Чжан Синь-чэн, ук. соч., т. I, стр. 339). Весьма древним произведением считает «И-ли» и очень критически подходящий ко многим источникам Н. G. Creel, La naissance de la Chine, P., 1937, стр. 261.

³⁶ «И-ли с комментариями Чжэн Сюаня» Изд. Сыбу бэйяо, т. 3, гл. 7, стр. 27a.

³⁷ «Чжоу-ли», т. 7, гл. 36, стр. 10a.

жэнь). Там, где мы встречаем эти сочетания, они уточняют смысл соответствующего иероглифа, указывая на то, что в данном контексте он означает человека или группу людей. Необходимость в таком уточнении связана с лаконичностью языка древнекитайских письменных памятников и с тем, что почти каждый иероглиф имеет несколько значений, подчас сильно друг от друга отличающихся, и выступает то в роли существительного, то в роли глагола, то в роли других частей речи. Так, иероглиф *юй* (囿) означает: «конюх», «конюшня», «тюрьма», «заключать в тюрьму», «ограничивать», «граница» «предел»³⁸; иероглиф *юй* (輿) — «колесница», «носильщик», «толпа»³⁹. Так как мы анализируем эти иероглифы как социальные термины, для нас обе их формы равнозначны.

Точное значение термина *цзао* установить крайне трудно. В «Цзо чжуань» он появляется большей частью в сочетании с термином *ли* (в четырех случаях из шести). В одиночку он выступает (помимо текста № 3) лишь в отрывке, где приводятся слова одного из сановников государства Лу, сетующего на то, что свита перебежавшего из Чжу аристократа награждена «цзао, пастухами (*му*), носильщиками (*юй* 輿) и лошадьми» (т. II, стр. 1140). Рабское положение *цзао* подтверждается здесь, во-первых, тем, что их передают как награду вместе с лошадьми, а во-вторых, и тем, что иероглиф *цзао* фигурирует рядом с другими терминами рабства. Возможно, что первоначальным занятием *цзао* был уход за лошадьми — об этом может свидетельствовать второе значение этого иероглифа «кормушка для лошадей»⁴⁰.

Интересно, что этот термин не имеет формы *цзаожэнь*. Указывающий на рабское состояние иероглиф *ли* — единственный, с которым он выступает в паре. Тексты, в которых появляется сочетание *цзаоли*, заставляет согласиться с составителями китайских толковых словарей, считающими, что он означает рабов-слуг⁴¹. Таково же значение и термина *жэньчэнь*, в ряде произведений древнекитайской литературы выступающего в паре с термином *жэньцзюнь* (人君) в смысле «слуга... господин» или «слуги... господа»⁴². Будучи по смыслу идентичным термину *цзаоли*, *жэньчэнь* заменяет его в тексте № 4.

Термином *пу* в «Цзо чжуань» обозначаются возницы колесниц древнекитайских властителей и сановников (т. I, стр. 574, 623), стража (т. II, стр. 1367) и придворные слуги (т. I, стр. 413; т. III, стр. 1638). Ряд категорий *пу* мы встречаем в «Чжоу-ли». Помимо *липу*, о которых мы уже упоминали, здесь выступают *дапу* (大僕) «большие *пу*»⁴³, *цзипу* (祭僕) — «*пу*, занимающиеся жертвоприношениями»⁴⁴, *юйпу* (御僕) — «*пу*, правящие лошадьми»⁴⁵, *жунпу* (戎僕) — «*пу*, занимающиеся военными колесницами»⁴⁶, *ципу* (齊僕) — «*пу*, занимающиеся гостями»⁴⁷, *даопу* (道僕) — «дорожные *пу*»⁴⁸ и *тяньпу* (田僕) — «*пу*, занимающиеся

³⁸ Karlgren, Grammata Serica Recensa, стр. 40.

³⁹ Там же, стр. 42.

⁴⁰ «Китайско-русский словарь» под ред. П. М. Ошанина, М., 1955, стр. 708; словарь «Чжунхуа да цзидянь», Шанхай, 1958, стр. 1662.

⁴¹ «Цыюань», Шанхай, 1947, стр. 1044; «Цыхай», Шанхай, 1948, стр. 935.

⁴² См. например, комментарии к известному трактату «Да сюе», приписываемые ученику Конфуция Цзэн-цзы в кн. J. Legge, The Chinese Classics, т. I, Oxf., 1893, стр. 362, а также книгу «Мэн-цзы» (J. Legge, The Chinese Classics, т. II, Oxf., 1895, стр. 429).

⁴³ «Чжоу-ли», т. 6, гл. 31, стр. 7а — 9а.

⁴⁴ Там же, стр. 9б.

⁴⁵ Там же, стр. 10а — 10б.

⁴⁶ Там же, гл. 32, стр. 10а — 10б.

⁴⁷ Там же, стр. 10б.

⁴⁸ Там же, стр. 11а.

охотой»⁴⁹. *Дану* имели широкий круг обязанностей: они должны были следить за одеждой вана, за порядком поступления к вану докладов и передачи приказов, от вана исходивших, за тем, чтобы при выезде вана ему расчищали дорогу барабанным боем и чтобы правильно разделялись туши приносившихся в жертву животных. Обязанности остальных категорий *пу* значительно уже. *Цзипу* выполняли роль подручных при жертвоприношениях, *юйпу* выражали соболезнование по поводу несчастий, случившихся у мелких чиновников и простого народа, и принимали участие в похоронах, *жунпу* заботились о сохранности военных колесниц и об одежде тех, кто сопровождал вана. В ведении *цинпу* находились колесницы, предоставлявшиеся гостям вана, и они должны были следить за тем, чтобы колесницы соответствовали рангам гостей; *даофу* занимались колесницами людей, сопровождавших вана, а *тяньпу* — охотничьими колесницами и доставкой во дворец вана убитой на охоте дичи.

Об обязанностях *пу* дает представление и книга «И-ли», в которой выступает целая иерархия *пужэнь*: начальник *пужэнь* (*пужэньчжэн* 僕人正), младший начальник (*пужэньши* 僕人師) и рядовые *пужэнь*, здесь выступающие под названием *пужэньши* (僕人十)⁵⁰. Они должны были в зависимости от своего ранга вводить на состязания по стрельбе из лука начальника музыкантов, его помощника и рядовых музыкантов. Во время пира младший начальник рабов должен был подавать вино, мыть бокалы и т. д.⁵¹

Как видно, термин *пу* или *пужэнь* относится к нескольким группам рабов, выполнявших весьма разнообразные обязанности при дворах властителей. Само перечисление этих обязанностей внушает мысль, что не все *пу* принадлежали к рабам. Так, трудно себе представить, чтобы рабы были на посту *дану*. Однако подтверждением того, что большая часть *пу* была в рабском положении, является употребление иероглифа *пу* в сочетании с *чэнь* (臣) в «Шицзин». В песне «Пал летом белый иней» термин *чэньпу* выступает в контексте 民之無辜，并其臣僕, переведенном А. А. Штукиным весьма близко к оригиналу: «О весь народ наш! Без вины в рабов он будет превращен»⁵². Знаменитый философ и комментатор XII века Чжу Си, объясняя это место, пишет: «В древности преступники превращались в *чэньпу*. Государству грозила гибель, а ни в чем не повинному народу — плен, заключение в темницу и превращение в *чэньпу*»⁵³.

Термин *юй* (輿) в тексте № 3 мы перевели «носильщики». Отрывок, в котором говорится о том, что *юй* приносили лед с гор ко двору властителя (т. III, стр. 1467—1468), показывает, что они в самом деле использовались при переноске тяжестей. Но сфера их использования была, по-видимому, связана и с другим смыслом этого иероглифа — «колесница», «повозка» (т. I, стр. 463; т. II, стр. 1113). *Юй* были заняты ремонтом колесниц и их изготовлением. В «Чжоу-ли», где они упоминаются среди различных групп ремесленников, даются подробные сведения о том, какие колесницы они изготовляли⁵⁴. Так как вооруженные силы крупных государств насчитывали в период Чуньцю до нескольких тысяч колесниц⁵⁵, то при дворах властителей и видных аристократов *юй* должно было быть немало; для управления ими назначались специальные должностные лица, упоми-

⁴⁹ «Чжоу-ли», т. 6, гл. 32, стр. 11а — 11б.

⁵⁰ «И-ли», т. 3, гл. 7, стр. 15а.

⁵¹ Там же, стр. 32б — 33а.

⁵² «Шицзин», М., 1957, стр. 249.

⁵³ «Шицзинчжуань» (Шицзин с предисловием и комментариями Чжу Си), Пекин, 1958, стр. 130.

⁵⁴ «Чжоу-ли», т. 8, гл. 39, стр. 14б.

⁵⁵ В относящемся к 527 г. до н. э. отрывке отмечается, что государство Цзинь располагало четырьмя тысячами боевых колесниц (т. III, стр. 1635).

наемные в «Цзо чжуань» (т. II, стр. 1123, 1170; т. III, стр. 1555). Многочисленность *юй*, может быть, послужила источником третьего значения этого иероглифа — «масса», «толпа» (т. II, стр. 1340, 1358; т. III, стр. 1595).

В трех из приведенных текстов мы встречаемся с иероглифом *юй* (隸), который обычно переводится «конюх»⁵⁶. Так передается его значение и в английский перевод источника Дж. Легге, принадлежащем Дж. Легге, и в переводе на французский язык Куврера⁵⁷. Однако относящийся к 501 г. до н. э. отрывок говорит о том, что *юйжэнь* не только работали в конюшнях, но и выполняли другие работы в хозяйстве аристократов. В этом отрывке рассказывается, что знатный человек из Лу, Мэн-сунь «выбрал триста сильных *юйжэнь* и приказал им построить за воротами города дом из утрамбованной земли и досок» (т. III, стр. 1974). Кроме приведенных отрывков, *юй* упомянуты рядом с рабами *лижэнь* и *му* в тексте, относящемся к 541 г. до н. э. (т. II, стр. 1368). К низшей категории слуг они приравниваются и в отрывке, помещенном под 520 г. до н. э. (т. III, стр. 1720). Эпизод, рассказанный под 661 г. до н. э., говорит о том, что распоряжение жизнью и смертью *юйжэнь* находилось целиком и полностью в руках тех, кому они принадлежали: «Цзо чжуань» передает разговор между властителем Лу Чжуан-гуном и его сыном относительно того, как целесообразнее поступить с *юйжэнь*, приблизившимся к дочери Чжуан-гуна, — подвергнуть порке или убить (т. I, стр. 257). Чрезвычайно характерен и другой отрывок, относящийся к 499 г. до н. э. Здесь пересказывается диалог между *юйжэнь* и его господином, луским вельможей У Шу, думавшим о том, как организовать убийство своего врага Гун Жо. Его *юйжэнь* сказал: «Я пройду с мечом мимо зала, где производит прием Гун Жо. Он непременно спросит меня: „Чей это меч?“ Я скажу, что ваш. Тогда он обязательно захочет посмотреть его, я же, притворившись глухим, передам ему меч острым концом и таким образом сумею убить его» (т. III, стр. 1992). Этот замысел удалось привести в исполнение, как показывает дальнейший текст. Успех его объясняется тем, что факт появления раба с мечом должен был вызвать удивление и подозрение: *юйжэнь* уверен, что у него не только спросят, откуда он взял оружие, но и потребуют показать меч, чтобы убедиться, что он говорит правду. Несвободу *юйжэнь* подтверждает и то, что в ряде древнекитайских источников иероглиф *юй* имеет значение «тюрьма», «держат в заключении», «охранять»⁵⁸. Начертание его на иньских костях представляет собой огороженное место, в котором на коленях стоит человек со скованными руками. Упрощенный вариант этого иероглифа — оковы, окруженные изгородью⁵⁹.

В тексте № 2 рядом с *юй* стоит иероглиф *му* (牧) пастухи. Упоминание пастухов в вышеприведенном отрывке, говорящем о людях, подаренных вместе с лошадьми, делает излишним доказательство их рабского положения. Не нуждается в особом анализе и термин *лиюй*, представляющий собой сочетание двух уже разбирившихся терминов рабства, ясно указывающее на несвободное положение людей, приставленных следить за лошадьми, а возможно, и за колесницами в войске Чжао Яна (текст № 4).

Нелегко определить, кто подразумевался под термином *ляо* (僚). Кроме текста № 3, он появляется в «Цзо чжуань» лишь один раз в отрывке, где обозначает женщину, сопровождавшую наложницу сановника (т. III, стр. 1583). Это значение, как и фигурирующее в словарях «сослужив-

⁵⁶ См. «Китайско-русский словарь» под ред. О ш а н и н а, стр. 199; П а л л а д и й, Китайско-русский словарь, Пекин, 1888, т. II, стр. 614.

⁵⁷ L e g g e, ук. соч., стр. 462 и 797; С о u c h t e u g, ук. соч., т. II, стр. 309; т. III, стр. 129.

⁵⁸ См. «Цыюань», стр. 322; «Цыхай», стр. 303.

⁵⁹ K a r l g r e n, Grammata Serica Recensa, стр. 39.

вец», «коллега»⁶⁰, не подходит для нашего текста, где единственный раз во всей древнекитайской литературе этот иероглиф появляется среди терминов рабства. Китайские толковые словари, приводя это место, поясняют, что здесь имеются в виду работники, совместно выполнявшие низкие, грязные виды труда⁶¹.

Столь же уникально употребление в этом контексте иероглифа *тай* (臺), означающего башню, террасу, помост⁶². Комментатор II века н. э. Фу Цянь считал, что здесь этот термин применен потому, что существовал обычай созывать слуг с помоста⁶³. В конце речи У Юя (текст № 3) для обозначения рабов вообще применено сочетание *пэйтиай* (陪臺). Первый из составляющих его иероглифов имеет смысл «сопровождать», «следовать», «присутствовать»⁶⁴. Исходя из этого, можно предполагать, что все сочетание означало свиту из рабов, окружавших господина и сопровождавших его⁶⁵.

Анализ терминов рабства показывает, что смысл многих из них выходит за рамки обозначения людей, использовавшихся в какой-то определенной сфере хозяйственной деятельности. Такие термины, например, как *ли* и *пу*, являются собирательными словами, указывающими не на одну, а на несколько групп рабов, выполнявших совершенно различные работы. С другой стороны, выясняется, что люди, выполнявшие одни и те же или весьма близкие по характеру поручения, обозначаются разными терминами. Небольшая таблица, дающая распределение терминов по занятиям, это наглядно показывает:

Слуги	<i>ли, цзюли, жэньчэнь, пу, ляо, тай</i>
Персонал, занятый обслуживанием колесниц	<i>юй 輿, пу</i>
Конюхи	<i>юй 圉, ли</i>
Пастухи	<i>ли, му</i>
Работники ⁶⁶ и ремесленники	<i>ли, юй 輿, юй 圉</i>

Кроме перечисленных здесь рабов, древнекитайские властители и аристократы владели и рабынями — наложницами, певицами, танцовщицами, ткачихами и швеями. Рабское состояние женщин — музыкантш и танцовщиц ясно из рассказа о том, что они были предложены в виде взятки человеку, от которого зависело решение уголовного дела (т. III, стр. 1863). О рабынях-наложницах упоминает текст, говорящий, что во время волнений в Чжэн в 562 г. до н. э. из дома одного из виднейших чжэнских аристократов разбежалось множество слуг и наложниц (т. II, стр. 1029). По-видимому, рабынями были ткачихи и швеи, переданные из Лу в Чу в 588 г. до н. э. (т. II, стр. 789).

Приведенные нами источники, раскрывающие значение терминов рабства, ни разу не упоминают о том, чтобы рабы использовались в важнейшей отрасли производительного труда — в земледелии. Однако такое явление

⁶⁰ «Чжунхуа да цзядянь», стр. 300; Палладий, Китайско-русский словарь, т. I, стр. 380.

⁶¹ «Цыюань», стр. 140; «Цыхай», стр. 125.

⁶² «Китайско-русский словарь» под ред. Ошанина, стр. 42; Палладий, Китайско-русский словарь, т. I, стр. 617.

⁶³ «Чуньцзо и Цзо чжуань с комментариями Хун Лян-цзи» (конец XVIII в.), изд. *Сыбу бэйло*, т. 6, гл. 16, стр. 4а.

⁶⁴ «Китайско-русский словарь» под ред. Ошанина, стр. 131; Палладий, ук. соч., т. I, стр. 490.

⁶⁵ «Пыхай», стр. 1423.

⁶⁶ Под работниками мы подразумеваем людей, занятых в таких видах труда, которые не подходят под понятие ремесла, например, уборка помещений, строительство и т. д.

ние имело место. Это показывает текст «Го юй»⁶⁷, в котором приводится речь цзиньского сановника Го Яня, обращенная к властителю Цзинь Сяньгуну (675—650 гг. до н. э.). В этой речи вскользь упоминается, что рабы-земледельцы *линун* (隸農) не могут прокормить себя, даже если усердно трудятся на плодородной земле, ибо собранный ими урожай идет другим людям⁶⁸. Этот текст «Го юй» — единственное место, где появляется термин *линун*. Сведений о рабах-земледельцах нет, насколько нам известно, ни в одном другом источнике⁶⁹. Это позволяет предполагать, что *линун* были немногочисленной группой, возможно, нигде, кроме Цзинь, не существовавшей. С течением времени различия между эксплуатацией таких рабов и эксплуатацией общинников, вероятно, стерлось, и они постепенно слились с массой свободных земледельцев.

Подведем некоторые итоги. Имеющиеся данные показывают, что рабы в период Чуньцю принадлежали знати. Низшая из категорий рабовладельцев, упомянутая в источнике, — приближенные перешедшего в Лу из Чжу аристократа Шу Ци (см. ниже, стр. 25). Ни разу не говорится о том, чтобы рабами владели простые свободные люди, будь то земледельцы, ремесленники или купцы. Рабы, принадлежавшие аристократам, использовались в качестве прислуги в их дворцах и выполняли различные работы в их хозяйствах. Среди таких работ источники называют пастьбу скота и уход за лошадьми, сооружение домов и других строений. Рабами изготовлялись колесницы, рабыни ткали и шили одежду для аристократов. Исходя из этого, роль рабов может быть определена как обслуживание запросов знати.

Рабовладение VII—V вв. до н. э. не может быть правильно оценено, если не учесть одной его специфической особенности — наличия человеческих жертвоприношений. В нашем источнике упоминается как о жертвоприношениях при похоронах знатных лиц, так и о ритуальных убийствах пленных после победы. Хотя вопрос этот связан с проблемой религиозных взглядов того времени и выходит за пределы проблемы рабства — наряду с рабами в могилу к властителю иногда клали и его близких, — но, не коснувшись его, невозможно дать полное представление о рабстве в период Чуньцю как потому, что подавляющее большинство принесившихся в жертву были рабами, так и потому, что самый факт убийства рабов весьма показателен в смысле оценки их как рабочей силы.

В «Цзо чжуань» встречаются следующие тексты, относящиеся к жертвоприношениям при похоронах:

1. В 620 г. до н. э. после смерти циньского царя Му-гуна было убито трое добрых мужей из рода Цзюй (т. I, стр. 540).

⁶⁷ «Го юй» — источник, содержащий речи государственных деятелей царств древнего Китая (X—V вв. до н. э.). Согласно «Истории Ранней династии Хань», это произведение написано автором «Цзо чжуань» Цзо Цю-мином. Но то, что эти книги исходят от одного автора, опровергается как наличием ряда расхождений между ними, так и тем, что язык «Го юй» в некоторых чертах грамматического строя не совпадает с языком «Цзо чжуаня» (см. K a r l g r e n, On the Authenticity and Nature of the Tso chuan, стр. 64). Эти же соображения опровергают и выдвинутую Кан Ю-взем теорию, согласно которой «Го юй» был использован для фабрикации «Цзо чжуаня». Вопрос о датировке «Го юй» до сих пор не решен. Одни ученые отстаивают взгляд, согласно которому он относится приблизительно к той же эпохе, что и «Цзо чжуань» (см., например, Ч ж а н Ш у н ь - х у э й, ук. соч., стр. 40), другие доказывают, что он написан несколько позже (см. Ч э н ь Д э н - ю а н ь, Древние традиции отечественной истории, Пекин, 1958, стр. 228 — на кит. яз.).

⁶⁸ «Го юй», Шанхай, 1958, стр. 92.

⁶⁹ Китайские исследователи, упоминающие о наличии рабов, занятых обработкой земли, ссылаются исключительно на этот отрывок. См., например В а н ь Г о - д и н, История аграрного строя Китая, т. I, Нанкин, 1934, стр. 19 (на кит. яз.); Л и Я - н у н, Рабовладение и феодализм в Китае, Шанхай, 1954, стр. 99 (на кит. яз.).

2. К 593 г. до н. э. относится запись, рассказывающая о том, что сын цзиньского аристократа Вэй У-цзы отказался выполнить волю покойного отца, завещавшего после его смерти положить с ним в могилу его любимую наложницу (т. II, стр. 741).

3. В 588 г. до н. э. в государстве Сун были устроены пышные похороны властителя. Вместе с лошадьми и колесницами в могилу Вэнь-гуна были положены люди (т. II, стр. 780).

4. Относящаяся к 580 г. до н. э. запись упоминает о том, что раб цзиньского царя Цзин-гуна после смерти своего господина был убит и положен к нему в могилу (т. II, стр. 844).

5. В 528 г. до н. э. после смерти свергнутого чуского царя Лин-вана Шэнь Хай, у которого он нашел пристанище, похоронил вместе с ним двух своих дочерей (т. III, стр. 1618).

6. При описании похорон властителя Чжу Чжуан-гуна (506 г. до н. э.) говорится, что в могилу к нему было поставлено пять колесниц и вместе с ним похоронено пять человек (т. III, стр. 1917).

Лишь в половине из приведенных мест идет речь об убийствах рабов; в остальных говорится о жертвоприношении приближенных. Это, однако, не значит, что в этих случаях рабов не убивали. Это доказывает текст «Шицзи», в котором Сыма Цзянь, упомянув о заклании на могиле Му-гуна трех аристократов, добавляет, что вместе с ними было убито еще 177 человек⁷⁰. Составители «Цзо чжуань» сочли убийство рабов либо само собой разумеющимся, либо несущественным и поэтому ничего о нем не сказали.

Характерно, что брать с собой в могилу людей могли позволить себе в это время лишь властители или могущественные представители знати. В пяти случаях из шести говорится о царях и властителях и лишь в одном случае (текст № 2) о главе рода Вэй, одного из богатейших и влиятельнейших цзиньских родов. Как известно, обычай заклания рабов прослеживается археологами начиная с эпохи Инь. В результате раскопок, произведенных в районе Аньяна в 1928—1937 и в 1950 гг., было выяснено, что человеческие жертвоприношения были распространены в то время очень широко; скелеты рабов были найдены не только в гробницах властителей, но и в могилах рядовых представителей знати⁷¹. «Цзо чжуань» показывает, как выходил из употребления этот варварский обычай.

Другим видом человеческих жертвоприношений были убийства пленных после победы. Иногда их приносили в жертву в храме предков (о заклании пленных жунов в храме предка цзиньских царей Вэнь-гуна сообщается под 524 г. — т. III, стр. 1684), в других случаях — на алтаре духа земли (т. III, стр. 1573). Число убитых пленных в источнике ни разу не названо.

Принесение в жертву людей в период Чунью наталкивалось уже на серьезные протесты. В 640 г. предложение сунского царя Чэн-гуна принести цзэнского властителя в жертву на алтаре духа земли в Суй с тем, чтобы поставить от себя в зависимость восточные племена и, по-видимому, почитавшие это святилище, вызвало резкую отповедь со стороны его приближенного Цзы Юя (т. I, стр. 378). Заклание пленных, взятых при захвате местечка Гэн могущественным луским аристократом Цзи Пин-цзы (531 г. до н. э.), сурово осуждается другим представителем знати Цзан У-чжуном: «Чжоу-гун не наслаждается больше жертвоприношениями Лу,— сказал Цзан У-чжун,— Чжоу-гун наслаждается справедливостью, но справедливости нет в Лу. Употреблять людей в качестве жертв наравне с животными значит проявлять к ним величайшее презрение» (т. III,

⁷⁰ Сыма Цзянь, Шицзи, т. I, Пекин, 1955, стр. 90.

⁷¹ Ху Хоу-сюань, Раскопки иньской столицы, Шанхай, 1950, стр. 78, 94 (на кит. яз.); В. Рубин, Раскопки гробницы, могил и остатков жилищ эпохи Инь, ВДИ, 1954, № 1, стр. 146.

стр. 1573). Столь же определенное недовольство вызвало принесение в жертву сына властителя страны Цай после того, как это маленькое государство было захвачено Чу в 530 г. до н. э. В «Цзо чжуань» приводятся следующие слова одного из чуских аристократов «От этого не будет удачи. Пять видов животных (коровы, овцы, свиньи, собаки и куры. — В. Р.) не заменяют друг друга при жертвоприношениях. Тем более нельзя заменять животное правителем. Царь (Чу) еще раскается в этом» (т. III, стр. 1586).

Следует отметить, что по вопросу о человеческих жертвоприношениях возникла дискуссия между Фань Вэнь-ланем и Го Мо-жо. В работе «К вопросу о чжоуском обществе» Го Мо-жо оспаривает высказанный Фань Вэнь-ланем взгляд, согласно которому в эпоху Чжоу почти отказались от человеческих жертвоприношений. В доказательство своего тезиса Фань Вэнь-лань ссылается на то, что из 150—160 чжоуских могил, вскрытых археологами, лишь в трех могилах обнаружены костяки людей, положенных туда, чтобы сопроводить покойника, причем в общей сложности найдены останки всего шести человек, принесенных в жертву. Возражая Фань Вэнь-ланю, Го Мо-жо замечает, что нельзя сравнивать царские гробницы с могилами, в которых похоронены лица не царского рода. Го Мо-жо доказывает, что еще в начале периода Чжаньго существовал обычай принесения людей в жертву для сопровождения умерших. Это подтверждается относящейся к этому времени книгой «Мо-цзы», в которой говорится: «После смерти сына неба убивают и кладут к нему в могилу от нескольких десятков до нескольких сотен человек, после смерти полководца или сановника — от нескольких человек до нескольких десятков человек»⁷².

Тексты «Цзо чжуань», показывающие, что в VII—V вв. до н. э. существовали человеческие жертвоприношения, позволяют нам высказаться в пользу точки зрения Го Мо-жо. Однако кое в чем прав здесь и Фань Вэнь-лань: не разделяя его точку зрения в том, что касается интерпретации археологических материалов как аргумента в пользу теории возникновения феодализма в период Западного Чжоу, мы все же должны заметить, что сравнение текстов нашего источника с данными раскопок иньской знати убеждает в том, что в VII—V вв. до н. э. человеческие жертвоприношения были распространены намного меньше, чем в эпоху Инь. Что же касается приведенного отрывка из книги «Мо-цзы», то, вероятно, мыслителем, выступавшим против роскоши и излишеств при похоронах, вред, приносившийся этими излишествами, представлен в преувеличенном виде.

Несмотря на то, что мы вправе говорить об отмирании человеческих жертвоприношений, наличие их в VII—V вв. до н. э. свидетельствует о невысоком еще уровне развития рабовладения. Это подтверждается и текстами источника, показывающими, что в глазах людей той эпохи являлось признаком богатства. Как известно, в обществах с высоко развитым рабовладением рабы являются неперменной составной частью богатства и количество их — его масштабом. Как показывает исследование китайского историка Ван Чжун-ло, в источниках, относящихся к эпохе Хань, богатство человека часто характеризуется тем, сколько ему принадлежало полей и рабов⁷³. Владение рабами фигурирует как основной признак богатства и в «Одиссее» Гомера⁷⁴. В «Цзо чжуань» богатство того или иного представителя знати связано с его положением в административной иерархии и измеряется находящимися в его распоряжении землями. Показателен в этом отношении, наряду с вышеприведенным текстом

⁷² Го Мо-жо, Эпоха рабовладельческого строя, стр. 126.

⁷³ Ван Чжун-ло, ук. соч., стр. 430—431. См. также Хэ Чан-цзунь, Феодальная система государственной собственности на землю и система уравнительного землепользования от эпохи Хань до Тан, Шанхай, 1958, стр. 16 (на кит. яз.).

⁷⁴ См. Я. А. Ленцман, Об историческом месте гомеровского рабства, ВДИ, 1952, № 2, стр. 55.

№ 4, рассказ о том, как в 544 г. до н. э. в Ци вернулись ранее изгнанные сыновья циского царя Чжуан-гуна. Цзин-гун, возвративший их на родину, вернул им их драгоценности и имения. Один из них — известный государственный деятель Янь-цзы — должен был получить район Пэй-дянь, в который входило 60 и⁷⁵. Он, однако, отказался принять его. Когда его спросили, почему он не хочет столь желанного людям богатства, он ответил, что богатство возбуждает зависть и ведет к гибели, и он опасается, что, став чрезмерно богатым, навлечет на себя несчастье (т. II, стр. 1307).

Рабы, использовавшиеся в качестве слуг и работников во дворцах, конюшнях и хозяйственных постройках знати, были само собой разумеющейся частью богатства, но частью несущественной и не способной стать основой действительно значительного благополучия. Крупный представитель знати, распорядившийся землей, безусловно имел вокруг себя известный контингент рабов. Но наличие рабов без земли был признаком второстепенного, зависимого положения в иерархии стоявшей у власти знати. На это указывает уже упоминавшийся нами (см. стр. 22) текст, в котором говорится о хорошем приеме и награждении Шу Ци, перебежавшего в Лу из Чжу: «Вы даете ему большие имения, тем, кто сопровождает его (вы даете) слуг, пастухов, носильщиков и лошадей, а его мелким людям — одежду, мечи и пояса» (т. II, стр. 1140). О том, что рабов получил сам Шу Ци, здесь не говорится, вероятно, потому, что он привел их с собой, но даже если они были ему подарены, по сравнению с полученными им имениями они были не достойной упоминания деталью.

Для характеристики социального строя древнего Китая VII—V вв. до н. э. большое значение имеет проблема источников рабства. Мы коснулись ее выше, отметив, что фигурирующие в «Чжоу-ли» названия рабов-*ли* указывают на то, каким образом они были порабощены. Тексты «Цзо чжуань», говорящие о захвате и порабощении людей, позволяют осветить этот вопрос глубже. Они показывают, что основным источником рабства были войны, которые велись китайскими государствами как с окружавшими их отсталыми племенами кочевников, так и между собою. Встречаются в «Цзо чжуань» упоминания и о специальных набегах, организованных с целью увода в плен и порабощения населения соседних территорий.

О захвате большого количества пленных в результате побед, одержанных государством Цзинь в начале VI в. над племенами *ди*, рассказывает несколько отрывков. Один из них говорит о том, что цзиньский царь наградил в 593 г. до н. э. видного сановника Хуань-цзы тысячью семей рабов-*ди* (т. II, стр. 741). Другой упоминает о пленных, взятых в результате разгрома цзиньскими войсками в 592 г. до н. э. трех племен красных *ди* (т. II, стр. 744). Война была не единственным средством захвата и порабощения иноплеменников. Низкие средства, применявшиеся подчас для захвата «варваров», раскрываются в весьма любопытном эпизоде, относящемся к 490 г. до н. э. Войска Чу рассеяли в это время одно из племен *мань*, вождь которого Чи бежал на территорию Цзинь. Представители Чу, добившись его выдачи, предоставили Чи землю, чтобы завлечь его разбежавшихся соплеменников. Расчет их оправдался, и все пришедшие к Чи *мань* были схвачены и отправлены в столицу Чу (т. III, стр. 2053). Порабощенные кочевники, привыкшие пасти скот и ухаживать за лошадьми, становились пастухами и конюхами, о которых шла речь выше при анализе терминов рабства.

О том, откуда брались другие категории рабов, мы получаем представление из текстов, рассказывающих о захвате и порабощении китайского

⁷⁵ И (邑) в период Чуньцю — небольшие населенные пункты, отдававшиеся в кормление аристократам.

населения. К 523 г. до н. э. относится следующая запись: «В шестую луну, когда жители Юй сажали рис, люди Чжу напали на Юй... Они вошли в город, захватили всех поголовно и увели к себе»⁷⁶. Показателен в этом отношении разговор между двумя цзиньскими полководцами во время похода против Сун, предпринятого несколькими государствами в 584 г. до н. э. В то время, когда цзиньская армия находилась на территории союзной страны Вэй, цзиньский военачальник Ся Ян-юе предложил неожиданно напасть на жителей Вэй, захватить их и увести (т. II, стр. 818). Что случаи увода в плен и порабощения китайского населения не были исключением, говорит и рассказ о том, что в момент, когда царство Чу в 505 г. до н. э. было занято борьбой с У, население районов Чу, расположенных по соседству с Ху, было поголовно захвачено и уведено в плен в это небольшое государство (т. III, стр. 2020). Интересно отметить, что выражение «поголовное пленение»⁷⁷ было, по-видимому, в VI в. до н. э. распространенной формулой. Оно встречается как в этом тексте, так и там, где говорится о захвате жителей Юй. В относящемся к 584 г. до н. э. тексте употреблено близкое к нему сочетание «пленение многих»⁷⁸.

«Цзо чжуань» рассказывает и о захвате в плен в ходе военных действий вражеских солдат. Относящаяся к 631 г. до н. э. запись говорит о том, что после победы, одержанной над войском царства Чу у Чэнбу, цзиньский царь Вэнь-гун передал чжоускому вану часть своей добычи: сотню колесниц и тысячу пехотинцев. По-видимому, эта тысяча человек составляла не больше половины общего числа пленных⁷⁹.

Приведенные данные показывают несостоятельность утверждений Ли Я-нуна, будто в период Чуньцю источники рабства оскудели, ибо войны против окружавших Китай отсталых племен превратились с начала VIII в. до н. э. из наступательных в оборонительные и не давали больше рабов, а захватывать и порабощать китайцев было бессмысленно, ибо такие рабы всегда могли бежать к себе на родину⁸⁰. Тот факт, что в записях «Цзо чжуань», относящихся к VIII—VII вв. до н. э., гораздо чаще упоминается о некитайских народностях, чем в частях, относящихся к VI—V вв. до н. э. (несмотря на то, что объем материала, приходящегося на каждый год, в этих частях резко увеличивается), свидетельствует о том, что китайцам с течением времени приходилось все меньше страдать от нападений их соседей-врагов. Фань Вэнь-лань пишет, что в период Чуньцю китайская народность постепенно упрочила свое господствующее положение в бассейне Хуанхэ⁸¹. Это находит подтверждение как в данных «Цзо чжуань», так и в том, что из пяти групп рабов *ли*, названных в «Чжоу-ли», четыре состояли из взятых в плен представителей некитайских народов. Свидетельства «Цзо чжуань» показывают также, что перспектива будущего бегства захваченных в плен китайцев не была настолько фатальной, чтобы отбить охоту к порабощению.

О том, как распределялись захваченные в плен, источник нас не информирует. Но судя по тому, что в период Чуньцю товарно-денежные

⁷⁶ Т. III, стр. 1695: 六月郟人藉. 郟人襲郟...遂入之, 盡俘以歸.

⁷⁷ 盡俘.

⁷⁸ 多俘.

⁷⁹ Т. I, стр. 464. В цзиньской армии было 700 колесниц (т. I, стр. 461). Вероятно, приблизительно столько же колесниц было у войска Чу. Большая часть их попала в руки цзиньцев; избежала разгрома только часть пехотинцев, находившаяся под командованием Цзы Юя (т. I, стр. 463). Отсюда следует, что цзиньская армия захватила несколько сот колесниц, а так как каждую колесницу сопровождало по несколько десятков пехотинцев (см. Н. И. Конрад, Сун-цзы, М., 1950, стр. 83, 89), то число взятых в плен пеших воинов вряд ли могло быть меньше нескольких тысяч.

⁸⁰ Ли и Я-нун, Рабовладение и феодализм в Китае, Шанхай, 1954, стр. 96, 112 (на кит. яз.).

⁸¹ Фань Вэнь-лань, ук. соч., стр. 139.

отношения вообще были весьма мало развиты (достаточно сказать, что во всей обширной хронике ни разу не упоминаются деньги или денежные единицы), мы можем предполагать, что, как правило, рабы распределялись без посредства рынка. В «Цзо чжуань» встречается лишь два случая продажи людей. Один из них относится к 512 г. до н. э. В это время Цзи Пин-цзы, управлявший Лу, прислал лошадей, одежду и обувь тем, кто последовал в изгнание за царем Лу Чжао-гуном; таким образом, он, по-видимому, думал их подкупить. Разгневанный Чжао-гун схватил тех, кто привел лошадей, и продал их (т. III, стр. 1866). Кроме того, рассказывается, что в 593 г. до н. э., когда столица Сун была осаждена войсками Чу, голодные жители Сун меняли детей на пищу (т. II, стр. 737). Это был из ряда вон выходящий случай — память о нем сохранилась на целое столетие: в 486 г. до н. э., когда военачальник царства У, войска которого подошли к столице Лу, предложил Лу капитулировать, то луский сановник Цзин Бо, призывая не соглашаться на это, говорил, что даже доведенные до последней крайности жители Сун не капитулировали перед армией Чу (т. III, стр. 2082). Оба эти случая, как видно, исключительны и не типичны. То, что в «Цзо чжуань» ни разу не упоминается ни работорговля, ни рабские рынки, показывает, что в эпоху Чуньцю этих явлений, характерных для развитого рабовладения, в сколько-нибудь заметных масштабах еще не существовало. Они возникли в эпоху Чжаньго и распространились в период Цинь и Хань⁸².

Этим исчерпываются данные о способах порабощения, которые мы находим в «Цзо чжуань». Большинство комментаторов считает, что приводившееся выше упоминание о «красных документах» (*даньшу*), в которых записывались имена рабов, говорит о порабощении за преступления⁸³. Но то, что среди наказаний, встречающихся в «Цзо чжуань», мы видим лишь смертную казнь и членовредительство, но нигде не упоминается о порабощении, приводит нас к заключению, что это явление не было широко распространено. То же самое можно сказать и о долговой кабале. В неоднократно встречающихся в «Цзо чжуань» жалобах на невзгоды и тяготы народа о порабощении за долги ни разу не говорится. По-видимому, долговая кабала не приняла в VII—V вв. до н. э. широких размеров.

Сравнение приведенных нами сведений о рабовладении в VII—V вв. до н. э. с археологическими данными о рабах в эпоху Инь, с одной стороны, и с материалами источников о рабовладении в эпоху Хань, с другой, — позволяет наметить линию развития древнекитайского рабовладения в первом тысячелетии до н. э. Если в эпоху Инь рабов убивали тысячами и эксплуатация их лишь начинала зарождаться⁸⁴, то в эпоху Хань количество рабов, эксплуатировавшихся в ремесле и в горном деле, измерялось миллионами, и проблема рабовладения стала одной из важнейших социальных проблем эпохи⁸⁵. Рабовладение в эпоху Чуньцю представляется

⁸² См. Го Мо-жо, Эпоха рабовладельческого строя, стр. 85 и 133, где приводятся данные о рабстве в период Цинь и в эпоху Хань; см. также Т. В. Степунина, «Всемирная история», т. II, стр. 463 и 511; E. G. Pullyblank, The Origins and Nature of Chattel Slavery in China, «Journal of the Economic and Social History of the Orient», I (1958), 2, стр. 190 слл.

⁸³ См. «Цылай», стр. 44; Чэнь Дэн-юань, ук. соч., стр. 144.

⁸⁴ Хоу Вай-лу, История древнекитайского общества, Шанхай, 1949, стр. 120; Т. В. Степунина, К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае XIV—XII вв. до н. э., ВДИ, 1950, № 2.

⁸⁵ Туи Шу-е, ук. соч.; Ван Чжун-ло, ук. соч. Большое распространение рабовладения в эпоху Хань находит сейчас столь широкое признание, что даже Старр, стремящийся доказать, что историки-марксисты преувеличивают роль рабства в древности, называет среди стран, где рабство было наиболее широко распространено, рядом с древней Грецией и Римом ханьский Китай (см. Ch. G. Starr, An. Overdose of Slavery, «Journal of Economic History», 18 (1958), № 1, стр. 22).

в этом плане переходным этапом — еще сохранившиеся человеческие жертвоприношения носят характер реликтового явления и вызывают серьезные протесты; хозяйственное значение рабов осознается все более ясно, они используются уже не только в услужении, но и в качестве ремесленников и на различных подсобных работах. Однако при неразвитости товарно-денежных отношений и отсутствии мастерских, производивших на рынок, роль рабов в экономической жизни ограничивается обслуживанием потребностей знати. Предметы, употреблявшиеся простыми людьми, делались свободными ремесленниками, и в основной отрасли производительного труда — в земледелии — рабский труд не играл никакой роли.

Как мы отмечали выше, работы ученых в последние годы показали, что, начиная с периода Чжаньго и в периоды Цинь и Хань, рабовладение стало играть гораздо более существенную роль в экономике древнекитайского общества. Радикальное изменение характера рабовладения отразилось и на терминах рабства: основные термины, означавшие в нашем источнике рабов, отошли на второй план, уступив место терминам, в «Цзо чжуань» относившимся к рабам лишь отчасти или вообще рабов не обозначавшим. Так, иероглиф *тун* (僮), в нашем источнике имеющий смысл «отрок»⁸⁶, в период Чжаньго становится одним из основных терминов рабства⁸⁷. В период Цинь большое значение приобретает термин *ту* (徒)⁸⁸, в «Цзо чжуань», как правило, обозначающий людей, окружавших аристократа, или пеших солдат (в отличие от тех, кто сражался на колесницах)⁸⁹. В эпоху Хань главным термином рабства делается *нубэй* (奴婢). Составляющие его иероглифы в «Цзо чжуань» вообще отсутствуют.

Изменение характера рабовладения было связано с глубокими сдвигами, произошедшими как в экономическом, так и в политическом строе древнекитайского общества начиная с IV в. до н. э. Следствием роста производительности труда, расширения товарно-денежных отношений и появления ростовщичества как крупного социального явления было то, что увеличившийся спрос на рабов стал удовлетворяться в значительной мере за счет разорявшихся и впадавших в долговую кабалу крестьян. Выдвижение термина *тун*, обозначавшего рабов, купленных крупными купцами, указывает на распространение долгового рабства и работорговли, связанной со значительным увеличением численности рабов. Образование в эпоху Чжаньго деспотического государства⁹⁰, в период Цинь охватившего весь Китай, привело к тому, что порабощение за «преступления» приобрело массовые масштабы, чем и объясняется выдвижение обозначающих этот вид рабства терминов (например, *ту*). Отсутствие подобных явлений в VII—V вв. до н. э. показывает, что в течение второй половины первого тысячелетия до н. э. роль рабовладения в экономике древнего Китая по сравнению с предыдущей эпохой не только не уменьшилась, но и существенно возросла.

⁸⁶ Т. III, стр. 2098.

⁸⁷ Т. Степугина, О способах порабощения в древнем Китае во времена империи Цинь и Ранних Хань, «Сборник статей по истории стран Дальнего Востока», М., 1952, стр. 121.

⁸⁸ Там же, стр. 122.

⁸⁹ См. т. I, стр. 326; т. II, стр. 1316; т. III, стр. 1929.

⁹⁰ Государства периода Чуньцзо еще нельзя назвать деспотиями, так как в них при решении важнейших вопросов большую роль играл народ и властители были ограничены родовой знатью. Не имея возможности в данной статье привести доказательства в защиту этого тезиса, мы надеемся посвятить этому вопросу специальное исследование.

